

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ ФРАНЦУЗОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

Картушина Алла Александровна
 Магистрант, история
 Кубанский Государственный Университет
 г. Краснодар

DESACRALIZATION OF FRENCH CONSCIOUSNESS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY.

Kartushina Alla Aleksandrovna
 master student, history
 Kuban State University, Krasnodar

Аннотация

В данной статье речь идет о том, что способствовало в духовном плане Великой Французской революции – оскудение веры в душах и сердцах французов во второй половине XVIII века. Десакрализация сознания – сложный и длительный процесс, который проходит в разных социальных группах с разной скоростью. Что же способствовало это процессу? Оскудение веры? Падение авторитета Католической Церкви? Эпоха Просвещения? Попробуем разобраться.

Abstract

In this article, we are talking about what contributed to the spiritual plan of the great French revolution – the impoverishment of faith in the souls and hearts of the French in the second half of the XVIII century. Desacralization of consciousness is a complex and lengthy process that takes place in different social groups at different speeds. What contributed to this process? Lack of faith? The fall of the Catholic Church's authority? The Age Of Enlightenment? Let's try to figure it out.

Ключевые слова: Великая Французская революция; Католическая церковь; система ценностей; Старый порядок, десакрализация сознания.

Keywords: Great French revolution; Catholic Church; value system; Old order, desacralization of consciousness.

Великая Французская революция — это переломная эпоха, которая характеризуется разрушением прежней системы ценностей, отходом от традиционных верований и коренным изменением отношения личности к авторитету и власти, но которая в то же время являлась эпохой надежд и стремлений [16, с. 5].

Составными компонентами системы ценностей Старого порядка были христианство и Католическая церковь. Католицизм был господствующей религией во Франции. «Это была религия короля, который назывался христианнейшим королем. Это была религия нации, которую папы называли старшей дочерью церкви. Французы почитались исповедующими одну единственную религию — католическую» [11]. Но так ли все было в действительности к середине XVIII века?

Французский историк Р. Шартье в своей книге «Культурные истоки Французской революции» задается вопросом: «Была ли Франция Старого порядка страной христианской или речь можно вести лишь о строгом соблюдении неких внешних условностей?». По его мнению, «в XVIII в. возникает безразличие к религии, но французы по-прежнему продолжают исповедаться и причащаться на Пасху и ходить в церковь по воскресеньям. Однако в образе мыслей людей происходят коренные перемены» [16, с. 106].

Меняется отношение к смерти, теперь людей меньше волнует то, что с ними будет после смерти. Меняется отношение к сексуальной жизни. Увеличивается число внебрачных детей, семейные пары все чаще «предохраняются». Все это свидетельствует об оскудении христианской морали в обществе [16, с. 109].

По мнению другого французского историка А. Олара, французы никогда не отличались благочестием и религиозностью. Он приводит пример из докторской диссертации Аббата Жиро о «Религиозной истории Сарты с 1789 г. по IV год», в которой он собрал свидетельства священников, относящиеся, как к кануну революции, так и ко времени самой революции. Из этих свидетельств видно, что прихожане уклонялись от Причастия, не держали пост. Даже в среде верующих наблюдалась вялость и нерегулярность в отправлении религиозного культа [11].

А. Олар считает, что вера слабее во Франции при Людовике XV и при Людовике XVI. Но он в отличие от многих других авторов не связывает ослабление веры с появлением философии Просвещения, а, наоборот, считает, что «неверие побудило философов писать в таком тоне против религии» [11]. И здесь нельзя с ним не согласиться, ведь спрос рождает предложение.

А. Токвиль, как и многие другие авторы, считает виновниками Французской революции

просветителей [15, с. 156]. Т.И. Буткевич по этому поводу приводит слова из песни: «C'est la faute de Voltaire, c'est la faute de Rousseau!» (т. е., это — вина Вольтера, это — вина Руссо!). Он же в своих письмах, рассуждая об уроках Французской революции, вслед за И.Л. Карно и другими авторами, считает, что труды Ж.-Ж. Руссо и Вольтера были Евангелием для революционеров [3].

Сами просветители критиковали религиозный фанатизм и проповедовали веротерпимость. Их философия основывалась на критическом рассмотрении всех институтов и обычаев, понятии естественной морали, в новом осмыслении связи политики с обществом, которое исходит из идеи свободы [16, с. 26].

«Мудрецами, дающими Евангелие мудрецам» [5, с. 274], как мы уже сказали, были Ж.-Ж. Руссо и Вольтер. Г. Гейне называл Ж.-Ж. Руссо — «революционной головой, исполнительной рукой которой стал Робеспьер» [1, с. 682]. Ж.-Ж. Руссо считал, что религия должна способствовать укреплению и использованию исконных качеств человеческой натуры. Он отрицательно относился к христианству, считал, что оно породило общество эгоизма и тирании. Ж.-Ж. Руссо предлагал ввести гражданскую религию, которая подтверждала бы священный характер общественно-политических учреждений и обеспечивала бы их стабильность [1, с. 703].

Вольтер, в свою очередь, всю свою жизнь боролся за терпимость [1, с. 667]. Он выступал против Католической Церкви как организации, против религиозных войн. По сущности идеи, заложенные в «Трактате о веротерпимости», никак не противоречат христианству. Он пишет: «если бедствия войны неизбежны, да не будем мы ненавидеть друг друга и разрывать друг друга на части в мирные времена, употребим краткий миг существования нашего на то, чтобы славить на всех языках — от Сиам до Калифорнии — доброту твою, что даровала нам этот краткий миг» [5, с. 45]. Вольтер — не атеист, а деист.

Вольтер — противоречивая личность, то он пишет, что «уважает Церковь и все чему она учит» [5, с. 42], то требует «раздавить гадину» буквально в каждом письме к энциклопедистам. Он говорит, что «чем больше мы любим святую религию Спасителя нашего Иисуса Христа, тем сильнее должны ненавидеть тех людей, которые каждый день гнусно злоупотребляют Его божественным законом» [5, с. 264]. Он «не христианин», но уважает Христа и готов чтить Его [6, с. 719].

Куда больший вклад в развитие грубо-материалистической и атеистической идеологии, чем Вольтер и Ж.-Ж. Руссо, сделали другие мыслители и литераторы. Например, П.А. Гольбах, считавший «всякую религию абсурдом» и «оплотом деспотии», [7, с. 42], или П.С. Марешаль с его стихами против Бога, считавший, что «Имя Бога освящает несправедливость» [10, с. 57].

Просветительские идеи распространялись через печать. Печатное слово обличало деспотизм и

продажность монархии, нравственное падение двора и власть имущих, ниспровергало прежние авторитеты и коренным образом изменяло образ мысли и систему ценностей общества. Однако если бы общество не было бы готово к данным идеям, оно бы их не восприняло. Соответственно, в самом обществе меняется отношение к власти, теряется ее сакральное значение, изменяются ценности и только поэтому возникает потребность в просветительской литературе и в самих просветителях.

Говоря об изменении отношения к власти, следует отметить и изменения в патриотических чувствах населения. Патриотизм — это одна из ценностей любой общности, любого государства. Русский философ В.С. Соловьев выделяет этапы становления патриотизма. Он считает, что в обществах собирателей и кочевников «чувство общественной солидарности совпадало с чувством семейным». При переходе к оседлому земледельческому быту патриотизм принимает форму любви к родной земле. Постепенно патриотизм приобретает религиозное значение, так как само отечество, земля, на которой обитает, группа людей, превращается «в вотчину особого Бога». Этот местный (вотчинный) патриотизм слабеет и окончательно упраздняется при разрушении культурных, этнографических и территориальных границ. В.С. Соловьев понимает национальный патриотизм как «любовь к своему народу не против других, а вместе со всеми». В Средние века народная вражда не имела принципиального значения, существовала «естественная любовь к ближнему отечеству» которая подчинялась требованиям высшего универсального порядка. По его мнению, национальный патриотизм во Франции зародился в период Столетней войны. В.С. Соловьев считает, что дать формулировку национальной идеи впервые смогла Жанна д'Арк. Это формулировка звучала так: «быть независимыми от чужеземцев на своей земле и иметь среди себя своего собственного верховного главу» [15].

Э. Ле Руа Ладюри считает, что Столетняя война принесла изменения в мировосприятие французов. По его мнению, в среде крестьянского населения стали проявляться «национальные» чувства [9, с. 317]. Также Э. Ле Руа Ладюри считает, что все части Франции, центр и периферия, были соединены общей преданностью королю. По его мнению, «старый образ монарха как сеньора-заступника сохранял всю свою силу, даже для тех частей населения, которые были в географическом отношении удалены от Парижа (удалены также от долины Луары), где находились основные очаги централизма. Затем, когда эта династическая преданность начала ослабевать, Французская революция переняла эстафету и дала новую силу интегрирующему централизму с помощью уловки, в частности, гражданства и «добровольного присоединения» [8, с. 384].

Т.И. Буткевич называет главной виновницей Французской революции — Католическую

Церковь [3]. Приблизительно до середины XVII века Церковь шла по пути контрреформации и пыталась полностью подчинить себе жизнь верующих, чтобы держать их под постоянным контролем. В период с 1750 года по 1775 год перемены происходят и в области чувств, и в области общественной жизни. Христиане, освободившись от церковного влияния, отворачиваются не только от католической этики, но и от церковных институтов [16, с. 113]. Р. Шартье выделяет несколько признаков этого. Во-первых, это падение престижа духовной карьеры. Ряды священнослужителей сокращаются. Меняется их социальное происхождение. Теперь священниками становятся дети торговцев и крестьян. Р. Шартье видит причину отказа других сословий от духовной карьеры как раз в сокращении влияния Церкви на «умы» [16, с. 114]. Второй признак — падение популярности религиозных конгрегаций (объединений), переход в масонские ложи представителей интеллигенции и буржуазии. Третий — распространение светской литературы и падение спроса на религиозную литературу [16, с. 115].

Все три признака свидетельствуют об отчуждении народа от Церкви. Причин у народного отчуждения много, но следует выделить самую главную — кризис религиозных организаций. Мы называем кризис, который переживала Франция накануне революции, структурным, т. е. затрагивающим все сферы жизни общества. Если в кризисном состоянии государственное устройство, феодальной строй, то и Церковь, которая была с ним переплетена и являлась его частью, тоже находилась в кризисе [15, с. 37]. Церковь являлась средневековым учреждением, а, по мнению А. Токвиля, целью революции было уничтожение средневековых учреждений [15, с. 31].

С.Ф. Блуменау приводит мнение Адриана Дансетта, который считал, что Церковь сама виновата в своих бедствиях. Она часто забывала о своей духовной миссии, а ее богатства отвращали от нее бедные слои населения. К началу революции апатия к религиозным вопросам у большинства населения возросла. А восстановление религии было вызвано людской привычкой [2].

Также С.Ф. Блуменау приводит мнение Андре Латрея, который, в свою очередь, считал, что большая часть населения соблюдала религиозные обряды, когда «просвещенные» слои населения прохладно относились к вере. Большинство, по его мнению, после революции так и осталось приверженцами веры, либо вернулись к ней [2].

Мнения исследователей по поводу существования веры в душах и сердцах французов расходятся. Мы же склонны считать, что, если вера и существовала, то она была очень слаба. Религиозная обрядность сохранилась, в особенности, у большей, «непросвещенной» части населения. Однако следует отметить существование кризиса религиозной жизни, который стал порождением духовного кризиса.

«Духовный кризис — это состояние переживания утраты бытийной основы существования, которое возникает в ответ на эмоциональную реакцию относительно индивидуально-значимого события или явления и сопровождается нарушением процесса поиска сакрального» [14, с. 66]. По нашему мнению, духовный кризис является как предвестником революции, так и ее неизбежным последствием. Русский поэт М. Волошин в свое время писал, что «духовный кризис наций, который является неизбежным бичом в руке каждой из Великих Революций, — это кризис идеи справедливости. Идея справедливости — самая жестокая и самая цепкая из всех идей, овладевавших когда-либо человеческим мозгом. Когда она вселяется в сердца и мутит взгляд человека, то люди начинают убивать друг друга» [4]. Так и произошло в годы революции, а особенно в период якобинского террора.

Аббат Мори, выступая с речью в Учредительном собрании 13 октября 1789 г., назвал происходящее «кризисом, безбожием». Он считал, что «религия есть единственная надежная основа законов», «национальная религия должна быть провозглашена основополагающим законом государства», «религия является единственной моралью народа и первой обязанностью человека в обществе», а также «наиболее надежным защитником государства». [12, с. 385].

Таким образом, в заключение следует сказать, что процесс десакрализации сознания французов начался задолго до революции. Мы видим, что произошло оскудение христианской морали в обществе, что сама религиозная жизнь общества пребывала в кризисе. О наличии веры у французов судить сложно, здесь мнения исследователей расходятся. Можно лишь сказать, что изначально атеизм и неверие было прерогативой образованной части общества. Философия Просвещения стала ответом на запрос общества. Оно было готово воспринять эти идеи и изменить свою жизнь, как им казалось, к лучшему. Точнее часть общества, которая как раз и сделала революцию.

В христианском миропонимании любые взаимоотношения должны основываться на уважении и любви. Эти чувства должны пронизывать все сферы жизни общества. Король должен любить свой народ, а народ его уважать. Любовь короля должна была проявляться в благополучии народа. Чего не видели и не знали французы в предреволюционные годы. Система рушилась как картонный домик. Все, что ранее было сакральным — король, чья власть от Бога, и Церковь — приобретало в сознании французов отрицательный характер и окрашивалось в темные тона. То самое «нарушение поиска сакрального», т. е. настоящий духовный кризис общества.

Список литературы.

1. Антисери Д, Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / Д. Антисери, Дж. Реале ; [пер. с итал. С. Мальцевой, науч. ред. Э. Соколов]. – Санкт-Петербург :

«Пневма», 2002. – Т. 3. – 850 с.

2. Блуменау С.Ф. Религия и революция 1789 г. во Франции. Смены вех в историографии страны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/history/00405798_0.html.

3. Буткевич Т.И. Уроки первой французской революции (Из переписки друзей). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravoslavnye.ru/analitika/2015/07/14/istinnye_p_richiny_pervoj_francuzskoj_revolyucii/.

4. Волошин М. Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russianplanet.narod.ru/library/mvoloshin/mv_pr_ogok.htm.

5. Вольтер. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма в двух томах / отв. Ред. Ю.Я. Коган. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – Т. 2. – 441 с.

6. Вольтер. Философские сочинения / отв. ред. В.Н. Кузнецов. – Москва : Наука, 1988. – 750 с.

7. Гольбах, П.А. О религии и деспотизме // Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой Французской революции / Ц. Фрилянд. — Москва : Гос. антирелигиозное изд-во, 1933. – Т. 1. – С. 42-46.

8. Ле Руа Ладюри, Э. История регионов Франции: Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 432 с.

9. Ле Руа Ладюри, Э. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV / пер. с фр. Е.Н.

Корендясова и В.А. Павлова. – Москва: Междунар. отношения, 2004. – 417 с.

10. Марешаль П.С. Стихи против Бога // Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой Французской революции. / Ц. Фрилянд. – Москва : Гос. антирелигиозное изд-во, 1933. – Т. 1. – С. 56-63.

11. Олар А. Христианство и французская революция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/18/1789rev/olar.htm>.

12. Речь аббата Мори в Учредительном собрании от 13 октября 1789 г. // Документы истории Великой Французской революции / А.В. Адо. — Москва : издательство МГУ, 1990. – Т. 1. – С. 384-385.

13. Соловьев В. . Патриотизм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/077/77377.htm.e>.

14. Технология психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях / Горьковская И.А., Баканова А.А., Маликова Т.В. и др. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 249 с.

15. Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. Л. Н. Ефимова. – Санкт-Петербург : Алетей, 2008. – 249 с.

16. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Пер. с фр. О.Э. Гринберг. – Москва : Искусство, 2001. – 254 с.

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ТВЕРСКИХ КУПЕЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

Середа Н.В.

*Тверской государственной университет
(Россия, Тверь)*

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2020.1.56.233](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.56.233)

Аннотация

Автор анализирует тексты документов личного происхождения, созданные тверскими купцами и приходит к выводу, что эти тексты можно рассматривать как исторический нарратив.

Abstract

The author analyzes the texts of documents of personal origin created by Tver merchants and suggests that they can be viewed as a historical narrative.

Ключевые слова: Россия, исторические источники, документы личного происхождения, купеческие дневники и мемуары, исторический нарратив, эго-документы.

Keywords: Russia, historical sources, documents of personal origin, merchant diaries and memoirs, historical narrative, ego documents.

Элементы исторического нарратива есть в каждом из документов личного происхождения, созданных тверскими купцами и сохранившихся до нашего времени. Большая часть их на сегодняшний день опубликована[1] Купцов интересовало не только настоящее, в котором они жили, но и прошлое своей семьи, города, страны и они старались зафиксировать сведения об этом, чтобы сохранить память о них. Для этого они использовали различные методы.

Можно привести примеры того как прошлое описывали именно как прошлое. Такой подход

особенно отчетливо виден в «Летописи» Михаила Тюльпина. Первый лист рукописи сообщает сведения «О начальном происшествии рода Тюльпина», начиная со священника одной из церквей тверского Кремля и заканчивая перечнем родственников Михаила, живших в одно с ним время[1,с.266]. На первых страницах «Летописи» Михаила Тюльпина есть также пространное сообщение о пожаре в Твери 1763 года и о том, как выглядел город до пожара, о его последствиях и мерах по ликвидации этих последствий И хотя саму Летопись Михаил писал в начале XIX в.. пожар